

Когда Тан Цунъюнь, неся поднос, пересёк газон и вернулся к У У, тот при виде свинины в красном соусе тут же просиял. Молодой господин, который до этого полдня предавался философским размышлениям о бренности бытия, уже приготовился до конца своих дней жевать капустные листья и довольствоваться каплей масла раз в сутки, так что этот обед стал для него настоящим подарком судьбы. По крайней мере, как бы тяжело ни проходили тренировки, теперь у него был стимул дожидаться полудня.

Во время трапезы к ним подсел юноша с подносом. Увидев У У, он улыбнулся, и паренёк, только что увлечённо грызший мясо, поднял голову и густо покраснел. Заметив это, юноша рассмеялся ещё громче.

— Перестань смеяться! Разве все страшилки не происходят в четыре ноль четыре? — У У замахал руками, пытаясь отгородиться от раздражающего смеха и поскорее забыть о собственном позоре.

Однако прошло уже две минуты, и, слишком активно жестикулируя, он неловко завалился на траву, едва не наступив на чью-то дорогую обувь. Тот человек даже слегка подтолкнул его носком ботинка в спину, а затем слегка пнул, намекая, чтобы он не позорился и поскорее вставал. Молодой господин, осознав, что окончательно потерял лицо, вскочил, отряхнул грязь с задницы и, посмотрев на перепачканные ладони, потрусил мыть руки.

— Привет, я его сосед по комнате, Юэ Хэнцин, — Юэ Хэнцин протянул руку. Его ладонь выглядела до ослепления чистой, под стать ему самому — от него веяло холодной, стерильной свежестью. Тан Цунъюнь с улыбкой ответил на рукопожатие, мысленно сочувствуя этому парню. Он подумал, что сегодня вечером кому-то, кто попал в настоящий земной ад, придётся с мыслью о том, что если не он, то кто же, терпеть вопли и выходки этого демона, иначе либо не удастся уснуть, либо придётся идти на крайние меры.

— Привет, Тан Цунъюнь.

У У, вымыв руки, прибежал обратно. Увидев, как двое новых знакомых пожимают друг другу руки, он почувствовал себя брошенным ребёнком. Его друг уже сбежал к красавчику, так что он плюхнулся между ними, ревностно охраняя свою тарелку с мясом и порушенную дружбу.

Обед прошёл в приятной атмосфере. Трое парней управились меньше чем за десять минут. В столовой всё ещё была очередь, хоть и не такая длинная, как раньше. Когда они собрались уходить, чтобы соблюсти распорядок и вернуться на отдых, то нос к носу столкнулись с офицером Фэн Бэем, выходявшим из чёрного хода, и тем самым офицером по имени Цай Чэнь.

Неясно, то ли Тан Цунъюнь разглядел его несерьёзный нрав, но ему показалось, что воротник у Фэн Бэя опустился ещё на пару сантиметров, обнажая пресс. Казалось, он вот-вот расстегнёт все пуговицы, чтобы павлином щеголять перед толпой.

О некоторых вещах лучше не размышлять слишком долго. Природа альфы всегда отзывается на возникающие в голове образы. Тан Цунъюнь вдруг почувствовал жажду, отвёл взгляд и

притворился, что ничего не видит. Однако его глаза упёрлись в скульптуру на площади, и он впервые в жизни возненавидел капитализм.

Если бы не шальные деньги, кто, чёрт возьми, в три тысячи тридцатом году стал бы ставить на площади статую Венеры? Она была такой белой, что на солнце слепила глаза. И это невольно связало её с образом, возникшим в голове мгновение назад.

— Тан-гэ, о чём ты думаешь? — У У, заметив, что мысли его друга унеслись за тысячи миль, прервал его раздумья. Тан Цунъюнь, не успев даже выдать привычную порцию колкостей, отреагировал так, словно ему наступили на хвост, и в раздражении воскликнул:

— Это только тебе вечно снятся эротические сны!

Ускорив шаг к общежитию, он крикнул напоследок:

— Иди домой, переоденься и спи дальше.

Капиталистическое общежитие было просторным: комната, рассчитанная на восьмерых, была отдана двоим. Пол выложен белой плиткой, стены покрыты белой штукатуркой, в проходе могли разойтись два человека. У каждой кровати стоял компьютер, за которым велось внутреннее наблюдение: если кто-то через сеть выдаст свои данные, это мгновенно станет известно. В три тысячи тридцатом году, в эру АБО, военные академии уже не изымали у студентов электронные устройства, запрещая носить их с собой лишь во время занятий и тренировок.

Правила не были особо строгими: подъём в шесть утра, утренняя зарядка, в шесть тридцать — построение, полчаса на приведение в порядок личных вещей, а в семь — начало тренировок.

В комнате была отдельная ванная. На стуле уже лежала форма: три комплекта камуфляжа, одна тёмно-синяя парадная форма и два комплекта с зелёными футболками и куртками. Вероятно, сегодня днём их ждёт отработка строевой стойки.

Два часа дня, мужской туалет в восточном крыле.

В тесной кабинке на пол падал пепел, в котором всё ещё теплился огонёк. Фэн Бэй, плотно сжав губы, смотрел на сигарету, догоревшую почти до самого фильтра, поморщился и бросил её в слив. Дверь приоткрылась, впуская свет, который упал на его слегка опущенную голову. Он поднял веки и увидел Цай Чэня.

— Идёшь? — пришедший поморщился, глядя на пепел, и добавил: — Когда ты начал курить? Раньше ты этого не любил.

— Да не курю я, — тот небрежно отмахнулся, не забыв добавить с критикой: — Просто поджжё, ни разу не затянулся. Я тебе не старый курильщик.

Цай Чэнь тяжело вздохнул, стёр военным ботинком пепел в слив и, сунув руку в карман, вытащил новую SIM-карту.

— Сделал на левый паспорт. Даже если начнут копать, не выйдут на тебя, полулегального жителя, — глядя на дорого обошедшуюся карту, Цай Чэнь невольно поморщился, вспомнив, как кое-кто сегодня бесплатно пообедал. Он почувствовал, что в этом месяце бюджет трещит по швам, и злобно бросил: — С тебя вечером шашлыки.

— Чего ты такой жадный стал спустя столько лет? Друг приехал издалека, разве не ты должен меня угостить? — Тот, казалось, совершенно не осознавал, что в глазах лучшего друга уже стал законченным негодяем.

Цай Чэнь снова вздохнул, не желая спорить с этим невыносимым типом, и посерьёзnel:

— Я уже пытаюсь выйти на связь. Если в этот раз всё пройдёт гладко, можно будет начинать операцию.

— Будьте осторожны. — При упоминании дела шутливый тон Фэн Бэя испарился.

Цай Чэнь серьёзно кивнул и уже собрался уходить, но словно что-то вспомнил:

— Тот новенький мальчишка...

— Тсс, не называй его так, будто мы уже глубокие старики, — двадцатисемилетний старик Фэн мгновенно вышел из образа, смахнув серьёзность, и брезгливо отмахнулся от другого не менее старого друга. — Мы в самом расцвете сил. Я и в пятьдесят буду красавцем, почему у тебя душа старухи?

Двадцатишестилетняя старуха вскипела. Он наконец понял, что есть люди, настолько уверенные в своей внешности, что совершенно не верят в то, что время — это безжалостный нож. При этом он совершенно не обращал внимания, сколько раз за день успел перепутать пол своего друга.

— Ладно-ладно, — многолетний опыт заставил его сдаться и вернуться к теме Тан Цунъюня. — Что думаешь делать? Хочешь перетянуть его на свою сторону?

— Есть мысли. Если тебя тоже раскроют, нам не придётся сидеть в полной изоляции.

Сказано было кратко и ясно. Цай Чэнь сомневался, но, поразмыслив, согласился. Фэн Бэй положил руку ему на плечо и улыбнулся:

— Не бойся, у меня полно методов вербовки. — Он похлопал себя по безупречному лицу. — Я всегда добиваюсь своего.

Сказав это, он подался вперёд, предлагая Цай Чэню оценить его искусство соблазнения. Зная натуру этого человека, Цай Чэнь отпрянул, словно от ядовитой змеи, и замахал руками:

— Оставь свои приёмы для невинных юнцов.

Фэн Бэй даже не взглянул на него, мысленно записав в категорию неблагодарных:

— Вали давай, пока те старики не нагрянули.

— Ладно, будь осторожен.

Цай Чэнь вышел из кабинки и быстрым шагом направился прочь по тропинке восточного крыла.

Оставшись один, Фэн Бэй всё же подумал, что не станет втягивать Тан Цунъюня в свои дела. Может, потому что тот ещё слишком мал, а может, из-за того самого взгляда, брошенного много лет назад. В груди вдруг стало тесно, и он, раздражённо толкнув дверь, зашагал к своему корпусу.

Это здание построили полгода назад для новых офицеров. Оно было небольшим, но с характерным для академии «художественным» стилем. Внутри было всё необходимое, словно создатели руководствовались принципом комфорта. Спальня напоминала развлекательный центр: проектор, компьютеры... Всё для ленивцев. Не хватало только таблички на входе: Зачем куда-то идти, если дома интереснее?

Фэн Бэй одарил это великолепие ироничной ухмылкой.

На плацу первый день всегда отводился под строевую подготовку. Десятки классов стояли в разных местах. Первому классу не повезло: они оказались под палящим солнцем, и их новенькие футболки уже промокли насквозь, прилипнув к спинам. Кто-то попытался пошевелиться, но Ван Чжан тут же огрел его первой попавшейся под руку веткой, заставляя вернуться в исходное положение.

Строевая стойка длилась тридцать минут. Не говоря уже о поте, глаза у всех начали слезиться. Солнце пекло нещадно. Несколько новобранцев проклинали всё на свете, но стояли ровно. У У выглядел хуже всех, но продолжал держаться, вцепившись пальцами в швы брюк. Он напоминал ракету, готовую в любую секунду рвануть в небо.

Ван Чжан, сидевший неподалёку с веткой в руках, наблюдал за новичками. Несмотря на холодное выражение лица, в его глазах читалось удовлетворение. Краем глаза он заметил Фэн Бэя, который прогуливался неподалёку, и отвлёкся. Он вспомнил слова директора.

Фэн Бэй действительно прогуливался — это была его служебная обязанность. Сняв верхнюю одежду и оставшись в рубашке с расстёгнутым воротом, он обошёл тренировочное поле и

задержал взгляд на первом классе. Пройдясь вдоль строя, он помахал Ван Чжану. Тот, сидевший на каменном постаменте, отбросил ветку и с подозрением направился к праздно шатающемуся офицеру.

— Что такое? — спросил он с каменным лицом. В душе он питал неприязнь к этому «высокопоставленному офицеру», невесть как свалившемся на голову академии. — Если вы здесь впервые, я могу всё объяснить, но сначала дайте мне закончить тренировку с этими салагами.

Офицер не обиделся, лишь равнодушно пожал плечами и указал на строй:

— Второй паренёк с конца сейчас упадёт в обморок от теплового удара. Отправьте его в медпункт.

Сказав это, он развернулся и ушёл, оставив после себя лишь удаляющуюся спину.

— Тц, щенок, — проворчал Ван Чжан, глядя ему вслед. За сорок лет службы он повидал немало таких «высокопоставленных» офицеров без реальной власти — коррумпированные аристократы пихали своих отпрысков на тёплые местечки, чтобы те прожигали жизнь.

Но почему они выбирают военную академию? Почему именно военную службу? Ван Чжан считал профессию военного священной и неприкосновенной. И каждый раз, когда он видел этих двадцати-тридцатилетних юнцов, которые не хотели работать и только корчили из себя непонятно кого, его это бесило.

Однако этот новичок отличался. От него веяло чем-то иным — будто это был боевой волк, прошедший через кровавые схватки и выживший вопреки всему. Он словно был рождён для этого места. Но чувства — вещь эфемерная. Разве можно ими руководствоваться человеку, посвятившему жизнь армии?

— Помогите, он падает! — раздался крик.

Студент рухнул на землю без сознания. Ван Чжан вызвал медицинского ИИ. Обычно те дежурили на стрельбищах, и их появление на плацу было редкостью. Добираться им было минуты три. За это время Юэ Хэнцин, обойдя застывших в строю «столбов» и проигнорировав окрик Ван Чжана, оттащил парня в тень.

Оказав первую помощь, он спросил:

— Когда будет ИИ? Нужны препараты. — Его голос звучал холодно, но в нём сквозила тревога.

Ван Чжан взглянул на время:

— Десять секунд.

Вдалеке показался серый аппарат. Подъехав, ИИ извлёк ампулу с бесцветной жидкостью и ввёл её студенту.

В этот момент в воздухе разлился аромат феромонов! Ван Чжан расширил глаза. Этот студент — бета, откуда у него феромоны?

Запах был сладким, фруктовым, с дурманящей приторностью. Этот парень оказался омегой!

Многие замерли. Лекарства такого типа обладали сильным воздействием, особенно на подавители, и могли вызвать сбой феромонов. Ван Чжан, опомнившись, приказал Юэ Хэнцину уложить парня на манипулятор ИИ.

— В медпункт! — приказал он, а затем обернулся к ошарашенным студентам: — Чего встали? Продолжать тренировку!

Он указал на Тан Цунъюня:

— Ты, води строй! Отдых десять минут, затем меняйтесь, пока я не вернусь!

Тан Цунъюнь тут же скомандовал отдых. Только он собрался что-то сказать У У, как услышал голос парня из первого ряда:

— Вот влипли. Если в академии обнаружили омегу, виноват будет инструктор.

— Ага, не говори. Кстати, что омеги вообще забыли в военной академии? Сидели бы дома, рожали детей. Служба — это дело альф и бет. Что им делать на поле боя? Течку устраивать? — отозвался другой с изрядной долей сарказма.

Эти слова резали слух. В классе было десять человек: пять альф и пять бет. Теперь — пять альф и четыре беты. Они были из разных слоёв общества: кто-то вырос в грязи, кто-то — с золотой ложкой во рту. У них разное происхождение, разная среда...

Но в одном они были солидарны — в чувстве превосходства своего пола.

Когда человечество открыло вторичные генетические признаки, наступила эра АБО. Это дало многим повод для спеси, но разве чувство превосходства не рождается из комплекса неполноценности? Подобно буллингу: те, кого когда-то унижали, в будущем сами начинают издеваться над слабыми, чтобы почувствовать себя значимыми.

Или когда друг детства внезапно становится лидером, зависть разъедает душу. Понимая, что не может победить, он направляет свой гнев на омег, стоящих на нижней ступени иерархии — точно так же, как тысячу лет назад, когда существовало всего два пола, люди унижали женщин.

Те, кто нападает на женщин, чаще всего сами являются женщинами. Причин много, но главная — стереотипы. Альфы рождены лидерами, а омеги — для деторождения. Со временем слово омега стало синонимом слабости, мягкости и течки.

Эти стереотипы пустили корни в сознании: в семье, в обществе, в государстве. С самого рождения они меняли мышление людей. И когда кто-то решался возразить, в ответ звучало лишь:

— А разве не так?

Результатом стали предрассудки, дискриминация и узколобость. В современном обществе омега чаще всего рассматривают как инструмент для деторождения. Бедняки мечтают выгодно пристроить омегу, чтобы выбиться в люди, а богачи и подавно — общество, возглавляемое альфами, внушает, что деторождение — это почётный долг.

Внутреннее согласие с этим и следование проторенной дорожке — вот способ выживания омега сегодня. Звучит смешно: человечество, которое уже тысячу лет как освободилось от феодализма, снова оказалось отброшено в те далёкие времена из-за внезапной генетической мутации.

<http://bllate.org/book/22097/2297908>